Интеллигент и две Риты

Автор:
Екатерина Вильмонт

Интеллигент и две Риты

Екатерина Николаевна Вильмонт

Иной раз жизнь напоминает вязание. Одно неверное движение, и ниточки ползут, глядишь, и они уже запутались… Так случилось и в жизни профессора Тверитинова. Прошлое, настоящее – все спуталось, стянулось в тугой узел. Сумеет ли он его распутать?…

В этой книге впервые выходит роман «Интеллигент и две Риты» и рассказы из цикла «Москва. Самотека».

Екатерина Николаевна Вильмонт

Интеллигент и две Риты

Сборник

Интеллигент и две Риты

Роман

Часть 1

Наши дни

– Захарушка, – встретил его дед, – звонила твоя мамаша.

– И что ей вдруг понадобилось? – скидывая с ног туфли, недовольно спросил Захар.

– Умер ее муж…

– А я тут при чем?

– Она хочет, чтобы ты приехал на похороны.

– Да с какой стати? Я его в глаза никогда не видел. И времени у меня нет. Кроме того, там, кажется, хоронят на следующий день, мне все равно не успеть.

– Захар, так не годится, она все-таки твоя мать.

– Да какая она мне мать? Это ты, дед, мне и мать и отец…

Захар надел тапочки и поцеловал деда в седую макушку.

– Я голоден, как…

– Идем на кухню, только руки помой! Вера Борисовна сварила сегодня восхитительный рассольник!

– Рассольник это хорошо! Дед, посиди со мной, а ты-то будешь ужинать?

– Нет, я же нормально обедал, я выпью чаю, в моем возрасте переедать не стоит.

– Ну, дед, рассказывай, что ты нынче делал?

– Нет, Захар, ты все-таки должен поехать к матери! Ей плохо, и она зовет тебя… Нехорошо, не по-человечески. Да, она плохая мать, но не надо ей уподобляться. Ты как-никак вырос не на улице, не в детском доме, у тебя был хороший отец, бабка с дедом, любви тебе хватало. А злость и мстительность тебе не к лицу, мой мальчик.

– Дед, ты и вправду считаешь, что я должен поехать?

– Разумеется, иначе не говорил бы.

– Я не уверен, что смогу достаточно убедительно сыграть роль хорошего сына.

– Да не надо ничего играть. Просто побудь с ней. Она нуждается в тебе, раз позвонила. Узнай, может, ей нужна какая-то помощь. Ей все-таки уже за шестьдесят, она потеряла мужа, по-видимому, любимого…

– Да нет, скорее любящего, это ей куда важнее.

– Мальчик мой, нас с тобой это совершенно не касается. Но поехать ты должен. Хотя бы на три-четыре дня. Вот поешь, выпей чаю и позвони ей. Я настаиваю!

– Ну, если ты настаиваешь…

– Вот, это ее телефон. Я записал.

– Класс! Если б не овдовела, я бы ее и не нашел, – хмыкнул Захар.

– Ах, в наше время человека найти совсем не трудно. Эти компьютеры… Короче, звони и не накручивай себя. Помни, она как-никак произвела тебя на свет.

– Чтобы иметь детей, кому ума недоставало!

– Захар!

– Ладно, дед! Алло, Инга Вячеславовна?

– Захар! Как тебе не стыдно! Почему ты зовешь меня по имени-отчеству? Я все-таки твоя мать и я убита горем! Да, я очень виновата перед тобой, но сейчас, в такой момент, ты мог бы и забыть об этом. А впрочем, неважно. Когда ты приедешь, сынок?

– Я приеду, но не раньше пятницы, и еще не факт, что достану билет. И гостиницу.

– Какая гостиница? Зачем? У меня большой дом.

– Нет, благодарю, я предпочитаю гостиницу. Всегда и во всех случаях. Я не очень понимаю, зачем я понадобился, однако дед считает, что я обязан…

– Твой дед святой человек!

– Что верно, то верно. Короче, я прилечу, как только смогу. Сейчас же займусь билетом и отелем. Как только что-то прояснится, я сообщу по электронной почте. Приношу свои соболезнования.

И он повесил трубку.

Дед огорченно качал головой.

– Мальчик, ну нельзя же так… Ты говорил с ней… непозволительно… по крайней мере, в такой ситуации…

– Я знаю. Но ничего не могу с собой поделать. Как услышал этот пафосно-скорбный тон…

– Бог тебе судья. Но хорошо хотя бы то, что ты все же согласился поехать.

Захар сел к компьютеру, и через сорок минут у него уже был забронирован номер и заказан билет на самолет. Он созвонился со своим заместителем и сообщил, что с пятницы до среды его не будет. В конце концов, мало ли что там может выясниться, да и гостиница, как он понял, в двух шагах от моря…

И сразу написал матери: «Мама, я прилетаю в ночь с четверга на пятницу, встречать не нужно. Утром позвоню». Набрать слово «мама» было в сто раз легче, чем произнести вслух. Язык не поворачивался.

– Ну все, дед, ты доволен?

– Да.

– Вот и славно.

… В вагон аэроэкспресса вошла девушка. При виде ее у Захара возникло ощущение, что она светится. От нее в буквальном смысле исходило сияние. Она счастлива, подумал он. И влюблена по уши. И наверняка летит к любимому или вместе с ним. Они встретятся в Домодедове и вместе полетят куда-то… Или он ждет ее где-то, и при виде любимого человека это сияние станет уж совсем нестерпимым для постороннего глаза. Хотелось бы взглянуть на этого счастливца. Девушка везла за собой чемодан на колесиках и прошла в другой вагон. Захар даже перевел дух. Надо же, какая… Я даже не понял, красивая ли она, или счастье сделало ее красивой? А впрочем, бог с ней. Хороша Маша, да не наша. И он достал из сумки научный журнал.

Месяц назад, когда он прилетел из Берлина, ему показалось, что в Домодедове просто ад – дикие очереди на паспортный контроль, кошмарная толкотня у транспортеров с багажом, он тогда еще порадовался, что летает с одной небольшой сумкой. А сегодня, несмотря на докучные расспросы представителей израильской авиакомпании, все прошло четко и быстро. И на паспортном контроле народу не было. И в ирландском баре сразу нашелся свободный столик. Настроение резко улучшилось. Он заказал сэндвич с ростбифом, виски со льдом и кофе. Его быстро обслужили, ростбиф оказался отличным. А может, все не так уж и плохо? В конце концов, вырваться из дождливой промозглой Москвы в солнечный Израиль, к теплому морю, тем более что никогда раньше в Израиле не был, совсем не так плохо. По крайней мере совесть будет чиста – он отозвался на зов матери… Так называемой матери, поправил он сам себя. Да Бог с ней, отдам, что называется, сыновний долг, но зато поплаваю в Средиземном море, погреюсь на солнышке, съезжу в Иерусалим, давно хотел, но все никак… Думаю, двух часов в день для Инги Вячеславовны будет достаточно. А остальное время мое!

Он пошел бродить по аэропорту. Заглянул в дьюти-фри. Купил бутылку виски и крем для бритья, хотя терпеть не мог бриться. Вовсю пользовался модой на трехдневную щетину. Дед, правда, сердился, говорил, что приличный мужчина должен бриться ежедневно, а в некоторых случаях и дважды в день. Дед был образцом джентльмена. Он и сейчас каждое утро брился, что безмерно восхищало их домработницу Веру Борисовну, она всегда говорила Захару:

– Ваш дедушка самый лучший человек из всех, кого я знала.

Захар неизменно с ней соглашался.

И вдруг у входа в накопитель он увидел ту девушку. Ее сияние несколько поблекло. Рядом никого не наблюдалось. Она то и дело оглядывалась, словно ждала кого-то. Теперь было видно, что девушке уже под тридцать, она недурна собой, но не более того. Стало жалко ее. Что за скотина этот ее мужик! Заставлять ждать и волноваться девушку, которая так светится от любви к нему. У меня таких не было. Или дело во мне? Это я не вдохновляю девушек на такое сияние? Да ну, нашел о чем думать! Какое мне дело до девушки с ее хахалем? И он опять углубился в свой журнал. Но вдруг в свободное кресло рядом с ним буквально кто-то упал. Это была та девушка. Она сидела, закрыв лицо руками. И вдруг обратилась к нему:

– Скажите, а как мне теперь быть? Как получить обратно чемодан?

– Какой чемодан? – растерялся Захар.

– Ну, я сдала чемодан, но я… я не могу лететь.

По ее лицу катились крупные слезы, хотя она вроде бы и не плакала.

– Это надо спросить у служащих…

– Да-да, простите… – Она попыталась встать, и тут же упала в кресло.

– Вам плохо? – участливо спросил Захар. – Я сейчас узнаю.

– Спасибо вам большое.

Но в этот момент у входа в накопитель что-то случилось, все служащие кинулись туда, возникла сутолока, кто-то что-то кричал, а на табло появилась надпись, что рейс в Тель-Авив задерживается на час.

– Не волнуйтесь, успеете получить ваш чемодан. Простите, у вас что-то случилось?

Она подняла на него глаза.

– Да. Меня бросил человек, которого я любила. Только и всего. Но это конец…

– Что значит конец? Вы молоды, хороши собой…

– Ах, а зачем жить… Ладно, я набитая дура. И черт с ним, с чемоданом… Пусть летит без меня. Теперь вообще все будет без меня…

Она попыталась встать, но опять рухнула в кресло.

– Ноги не слушаются. Вы не поможете мне встать?

– Нет, – резко ответил он.

– Но почему? – удивилась она.

– Вот хорошо, вы удивились. А теперь скажите, куда вы летите?

– Уже никуда.

– Почему? Потому что какой-то абсолютный идиот не пожелал лететь вместе с вами? У вас что или кто в Тель-Авиве?

– Никто. И ничто.

– У вас забронирован отель, куплена путевка?

– Отель.

– Ваучер на отель у вас?

– Да. Но…

– У вас есть хоть какие-то деньги?

– Какие-то есть… Но я…

– Никаких возражений! Вы летите в лето, к солнцу, теплому морю. И там, а не в московской слякоти, поразмыслите над тем, как вам жить дальше.

– А… А почему… Какое вам до меня дело?

– А меня так воспитали. Может, слыхали, когда-то бытовал такой лозунг – чужого горя не бывает.

– То есть, вы…

– Нет, я не мать Тереза, я просто видел людей, которые от отчаяния делали жуткие глупости, и если я могу удержать человека от этой глупости, я пытаюсь это сделать.

– И вы считаете, что мне надо лететь?

Судя по ее тону, удивление от его слов пересилило все остальные эмоции.

– Да, безусловно, – очень твердо ответил Захар. – Для вас сейчас это проще всего. Вы подчиняетесь ритму, заданному режимом авиаперелета. А в Тель-Авиве я в аэропорту возьму напрокат машину и отвезу вас в отель. А утром вы проснетесь с другим ощущением жизни…

– Вы психолог?

– Отнюдь. Биофизик.

– Вы хороший человек… Ой, а как вас зовут?

– Захар. А вас?

– Рита. Маргарита.

– Скажите, Рита, а ваш отель, он в Тель-Авиве? А то, может, я погорячился, обещая отвезти вас. Вы не в Эйлат собрались?

– Нет, в Тель-Авив. Отель «Дан».

И снова слезы побежали по ее щекам.

– Нет, я, наверное, не смогу… Я так мечтала… Вдвоем… мне казалось… Он столько говорил, как мы там будем… Нет, я не полечу, простите, Захар… Я пойду…

– Рассказывайте!

– Что?

– Что сможете! Считайте, что мы вагонные попутчики. Им можно все вывалить… Шанс встретиться еще раз ничтожен. Обещаю, я отвезу вас в отель и оставлю в покое.

– Зачем вам это?

– Мне? Незачем. Это нужно вам! Рассказывайте!

– Я не знаю… нет, я не могу…

– Хорошо, тогда вот, съешьте шоколадку. – Он достал из сумки небольшую плитку шоколада.

– Спасибо, не хочется.

– А вы через не хочу.

Он отломил половинку шоколадки.

– Вы обязаны это съесть. Это лекарство.

– От любви? – грустно улыбнулась она.

– И от любви тоже, – без улыбки ответил он.

– Попробую… Вдруг поможет.

Она откусила кусочек.

– Вкусно. Только вкус странный какой-то, как будто с перцем…

– Нет, с имбирем.

– Да? Я не знала, что такой бывает.

– Ешьте, ешьте.

– Спасибо.

Она и в самом деле съела свою половинку.

– Вот молодец! А это, – он протянул ей оставшуюся половинку в фольге, – спрячьте в сумку. Пригодится.

– Спасибо.

И тут объявили посадку.

Их места оказались в одном ряду, но через проход. И на место рядом с ней села какая-то пожилая женщина. Ну и сволочь же ее мужик, успел сдать билет.

Значит, заранее все продумал. Ему зачем-то надо было убрать ее из Москвы…

Захар увидел, что Рита в отчаянии закрыла лицо руками. Значит, ей в голову пришла та же мысль. Бедная девочка. Он встал, пропуская на соседнее место толстого мужчину с рюкзаком. И пока тот упихивал рюкзак под переднее кресло, Захар наклонился к Рите и прошептал:

– Скажите спасибо, что избавились от подлеца.

Она взглянула на него с таким изумлением, будто увидела впервые.

– Держитесь. Завтра будет легче. И пристегнитесь.

– Да, да…

Он сел, пристегнулся и открыл свой журнал.

Но время от времени поглядывал на Риту. Она сидела бледная, с закрытыми глазами. Жалко ее, нет сил. Сейчас даже вообразить невозможно, как эта женщина светилась счастьем несколько часов назад. Интересно, если б я не видел ее в этом волшебном сиянии, стал бы я ей помогать? Если бы она не села со мной рядом, вряд ли… Но даже если бы я не видел ее сияющей, а она села бы рядом, все равно стал бы… Там была такая концентрация горя, мимо которого пройти нормальный человек просто не может…

Когда стали разносить еду, Рита категорически отказалась, но Захар по-английски сказал стюардессе, чтобы все-таки поставила перед Ритой подносик с авиаужином.

– Рита, хоть поковыряйте что-нибудь, глядишь, и понравится что-то. Кексик, похоже, вкусный.

Он говорил так властно, что она подчинилась, сняла крышечку с горячего блюда, понюхала, ковырнула вилкой и стала есть.

Жить будет, удовлетворенно подумал Захар. С ней только нельзя миндальничать. Заботы о Рите отвлекли его от мыслей о предстоящей встрече с

матерью, которая ничего кроме раздражения у него не вызывала.

Когда-то

Инга Зерчанинова была красавицей. И хорошо это знала. И люто ненавидела свой заштатный уральский городишко. Что ее там ждет? Убогая нищая жизнь, как у ее матери. Мать тоже была красива, но во что превратилась к сорока годам? Но у матери не было никаких амбиций. Она еще в школе влюбилась в соседа, молодого технолога с трубопрокатного завода. Вышла за него замуж, родила четверых детей, правда, один ребенок умер в возрасте двух лет. Инга была младшей. Отец ее обожал. Их семья считалась в городе чуть ли не образцовой. Отец, Вячеслав Иванович, почти не пил, на заводе был на хорошем счету. Мама, Елизавета Игнатьевна, работала медсестрой на том же заводе. Не буду я так жить! Не желаю! Я буду артисткой! После школы она хотела податься сразу в Москву, но отец потребовал, чтобы она сперва поступила в театральное училище в Свердловске. Все-таки ближе к дому. Там дочка будет под каким-никаким присмотром – в Свердловске жила ее родная тетка по матери.

– И всяко лучше у родных жить, чем в общежитии! – рассудила мать.

Но Ингу в училище не взяли.

– Все, дочка, кончай дурью маяться, не выйдет из тебя артистки. Поступай-ка в политех.

– Нет, папа, я буду артисткой! Просто тут не понимают… А в Москве знаешь, сколько театральных институтов, уж в какой-нибудь да возьмут! А еще есть киношный институт…

– А тебе не жить не быть в артистки выбиться? А вдруг у тебя таланта нет?

– Есть, папочка, есть, я чувствую!

– Ладно, попытайся! – развел руками отец. – Вдруг да прославишь нашу фамилию.

Родители собрали ее в дорогу и посадили в поезд Серов – Москва.

В поезде она познакомилась с молодым геологом, парень вскружил ей голову, наобещал с три короба и с вокзала повез к себе. Он жил один в крохотной однушке у станции метро «Молодежная». Москва ошеломила Ингу. Парня звали Виктор, он оказался вполне приличным человеком, показал ей город, за ручку отвел в школу-студию МХАТ, Щепку, Щуку и ГИТИС, куда ее в результате и приняли, на отделение музыкальной комедии. В своем городишке она ходила а музыкальную школу, и у нее был неплохой голосок. Счастью не было пределов. Впереди московская жизнь, театральная карьера и, вдобавок, перспективный парень. Он собирался защищать кандидатскую. И даже общежитие ей не понадобилось. Правда, Виктор не звал ее замуж, но это еще успеется, решила Инга, жадно вбирая все, чему ее учили, и все, что видела вокруг. А вокруг она видела всякое. Вот, к примеру, сокурсница Лена Орлецкая, с виду, можно сказать, замухрышка, а в нее были влюблены все лучшие парни в институте, и не только первокурсники. А яркая красота Инги их как-то отпугивала, что ли… Зато на нее явно положил глаз немолодой преподаватель актерского мастерства. Но она считала его безнадежным стариком, хотя ему было всего-то тридцать шесть.

Так шло время, она уже перешла на третий курс. Виктор защитил диссертацию и на банкет по этому случаю взял с собой Ингу. Деньги на банкет прислали родители Виктора, жившие во Владивостоке. И еще прислали денег отдельно для Инги, на новое платье. В прошлом году они были в Москве, и красавица Инга очень им понравилась. Она умела нравиться, если хотела.

– Вить, я не пойду на банкет! – заявила она.

– Почему это?

– А в качестве кого я там буду светиться?

– В качестве моей девушки.

– То есть в качестве твоей подстилки?

– Что за глупость? Это все-таки Москва, а не твой Задрищенск! – рассердился он.

– Но ты же взял к себе в дом девушку из Задрищенска…

– Тебе необходим штамп в паспорте?

– Да!

– Хорошо. Завтра утром пойдем и подадим заявление, – пожал плечами Виктор. Он все-таки любил эту красавицу. – В качестве невесты прийти на банкет ты в состоянии?

– Ой, Витечка, я так тебя люблю! – возликовала Инга.

– Только ведь завтра утром никак не получится в ЗАГС…

– Почему?

– Так защита же… Некогда будет. Но на следующей неделе – железно!

– Ну хорошо… – скрепя сердце ответила Инга. Ей так хотелось надеть новое платье, купленное у одной девчонки с театроведческого, которой отец привез его из Австрии, а оно оказалось мало. Зато на Инге сидело как влитое. Она не пошла на защиту. Что она там понимает в этой его геологии? Пришла, когда все уже поздравляли Виктора с удачной защитой. При виде ее он ошалел.

– Ну ты и выглядишь… Королева…

Она обняла его на глазах у всех, поцеловала, поздравила.

– Друзья мои, прошу любить и жаловать, это Инга, моя невеста!

Она просияла. Он сдержал слово. Банкет был заказан в небольшом, вполне задрипанном советском кафе, но по случаю праздника его очень мило и даже уютно украсили. А Инге так и вовсе показалось, что там просто роскошно. И вдруг она заметила, что с нее не сводит глаз один мужчина. Не старый, лет тридцати, как и Виктор, одетый во все заграничное и очень даже приглядный. Она смутилась. Чего он так откровенно на нее пялится, и не стыдно ему? Он ведь слышал, что Виктор аттестовал ее своей невестой.

– Валя, а кто это? – спросила она шепотом у жены лучшего Витиного друга Сергея.

– Это? Леша Тверитинов, большой ученый, сын академика Тверитинова… – с завистливой усмешкой сообщила Валя. – Они с Витей в одном классе учились. Он биолог. И папашка у него тоже биолог, чуть было Нобелевку не огреб. Хорош, верно?

– Да ну… Нахальный какой-то…

– И есть с чего! Виктор твой еще только кандидатскую защитил, а у Лешки уже докторская на подходе! И вообще перспективный товарищ… Еще бы, с таким папой…

– Ну и пусть! – огорчилась Инга. – Зато Витя сам, без папочки свою кандидатскую защитил!

А когда уже начались танцы, куда ж без них, Тверитинов пригласил Ингу.

Танцевал он хорошо, музыку слышал, а Витя вовсе умел только топтаться на месте.

– Вы здорово танцуете, – не удержалась Инга.

– А ты здорово красивая! Говорят, в артистки метишь?

– Учусь.

– В кино еще не звали?

– Нет.

– А хотелось бы?

– А вы что, кинорежиссер?

– Нет. Но у меня друзья есть в этом мире. Могу познакомить…

– Ага, знаю я эти дела! Познакомите с каким-нибудь прохиндеем… Думаете, я такая глупенькая? Дурочка с переулочка? А потом что? Аборт?

– О, какое знание жизни! – засмеялся Тверитинов. – А что, уже такое было?

– Да вы что! Я, если хотите знать, замуж выхожу!

– Да выходи! Как говорится, была бы честь предложена, не волнуйся!

Он отвел ее к Виктору, а вскоре и вовсе ушел.

В самом деле через несколько дней Инга с Виктором подали заявление. А вскоре Виктор объявил:

– Ингуля, мы с тобой в субботу идем на день рождения к Лешке Тверитинову.

Инге вдруг стало страшно, а почему она и сама не знала.

– А что дарить будем? – поинтересовалась она.

– Есть у меня для него подарок! – засмеялся Виктор.

– А какой?

– Да Лешка воблу до смерти любит, а мне тут Серега целый ящик из Астрахани припер.

– Да кто ж такие вещи дарит? – возмутилась Инга. – Стыдоба просто!

– Ничего ты не понимаешь! Самое оно! Это такой дефицит даже для академиков! Не волнуйся, Ингуля, все нормально!

Ну что ж, решила Инга, в конце концов, Виктору виднее. А вот что надеть в такие гости?

– Валя, – позвонила она подружке. – Слушай: твой совет нужен. Нас к Тверитинову позвали…

– Шикарно!

– Слушай, я не знаю, что надеть…

– Так у тебя ж синее платье отпадное.

– Да я в нем на защите была…

– Ну и что?

– Как-то неохота…

– Поняла. Дам бесплатный совет – поясок надень… Или шарфик. Ни одна собака не опознает… На защите другая публика была, и, как говорит моя тетка, даю гарантику, что из баб у Лешки никого не будет…

– Как это?

– Я имею в виду, что тех баб, что на защите были.

– А! Это хорошо… – обрадовалась Инга.

Ей ужасно хотелось пойти в гости. Она никогда еще не бывала в квартирах академиков! И потом, может, и не обманул Тверитинов, может, будут там какие-то киношники… Я ведь такая везучая – ехала в Москву, чужую, огромную, в ту, которая слезам не верит, готовилась на вокзалах ночевать, а мне в поезде Виктор встретился, сразу к себе привез, а теперь вот у меня скоро муж будет – кандидат наук! Это же уму непостижимо! И в ГИТИС я поступила; так чем черт не шутит, может, и в кино возьмут. С такой-то внешностью обязательно возьмут… Фигурка – что надо, талия, бедра, ноги, грудь – просто Голливуд! И лицо – глаза синие, большие, носик точеный, зубы как на подбор, без единого

изъяна. Виктор все удивляется, как это я такая выросла рядом с трубопрокатным заводом… А вот выросла же! И говорят, я самая красивая девушка в ГИТИСе. Но все почему-то носятся с Ленкой Орлецкой, а что в ней? Замухрыга замухрыгой… А вот поди ж ты! Талант большой, говорят. Так и у меня талант есть, не зря ж меня в институт-то приняли, без всякого, между прочим, блата…

В субботу она с утра выгладила костюм и рубашку Виктора, начистила его ботинки, сам он это все терпеть не мог, вечно ходил в ковбойках… Накрутила на бигуди свои золотые волосы, наложила на лицо макияж, как учили, – чтобы все достоинства подчеркнуть, а недостатки скрыть. Только не было у нее никаких недостатков. Надела синее платье, попыталась чем-то его украсить, но все только портило его. Ну была я в этом платье на защите, подумаешь, большое дело! Я ж пока не кинозвезда, мне можно в одном и том же… А заграничное платье само за себя говорит и фигуру здорово подчеркивает. Да, не зря я за него столько денег отвалила!

– Ох, какая ж ты у меня красавица! – привычно восхитился Виктор и обнял ее.

– Витя, помнешь все, – высвободилась она.

– Думаю, ты там произведешь фурор! Эй, а что это за коробка?

– Да вобла твоя дурацкая! Я ее в божеский вид привела, не нести же эту коробку драную…

В самом деле, она купила в писчебумажном зеленую гофрированную бумагу, завернула в нее весьма неприглядную коробку, да еще сделала два бумажных цветка и прикрепила сверху.

– Ну, ты даешь! – расхохотался Виктор. – Ты только знаешь что… – слегка замялся он. – Там публика такая, с юмором… Они будут потешаться… Ты не обижайся, ладно?

– Над чем они потешаться будут? Над твоей вонючей воблой?

– Нет, над воблой как раз не будут, а вот над бантиками твоими… могут. Так ты посмейся с ними вместе, это, мол, шутка такая…

– Вить, а ты, что ли меня стесняешься?

– Что за глупости! Просто компании разные бывают. Не хочу, чтобы ты себя неловко чувствовала.

– Ладно, поняла, – сказала Инга, а сама подумала: это он заливает, сам небось застеснялся своего дурацкого подарка.

Однако подарок привел в восторг всю разношерстную компанию, а на упаковку просто никто внимания не обратил. Оказалось, что один из друзей Лешки добыл два ящика чешского пива, тоже дефицит будь здоров, и веселье пошло… Пока с воблой и пивом не расправились, никто не обращал внимания на шикарно накрытый стол. Расстелили на просторной кухне газеты, уселись на пол и стали лупить воблой кто по подоконнику, кто по полу, кто по холодильнику, и девчонки тоже. Словом, сплошное свинство…

– Инга, а ты чего? – удивился Леша. – Садись с нами!

– Да нет, спасибо, я воблу не люблю, и пиво тоже… – поджала губы Инга. И пошла в комнату. Не рассказывать же им, этим богатеньким деткам, как в родном городишке ее до печенок достало уже пьяное свинство.

– Что, милая, не нравится тебе это безобразие?

Инга обернулась, в коридоре стояла невысокая аккуратная старушка, уютная, похожая на Ингину бабушку.

– Не нравится, – кивнула Инга.

– Ничего, девонька, они сейчас свое пиво-то вылакают, что им эти бутылочки, на один зуб. А потом уж нормально за стол сядут. А ты чья же, девонька, будешь? Что-то я раньше тебя тут не видала?

– А я невеста Виктора Железнова, меня Ингой звать.

– Да, я слыхала, Лешка говорил, что у Витюшки невеста красавица. Не соврал. А Витюшка парень золотой, ты держись за него… Ты сама-то не московская?

– А что, заметно? – огорчилась Инга.

– Ну по одежке и не скажешь, а так… Но это хорошо, я вот мечтаю, чтобы Лешка наш на такой девушке женился. А то ходят тут эти девки расхристанные, курят, пьют, матом ругаются, кого, скажи на милость, такая родит? А у тебя подружки, такой как ты, нету?

– Да вроде нет… А вы кто?

– А я, девонька, тетка родная Лешкиной мамы, Тамары Васильевны. Она у нас ученая, профессорша. А муж ее, Дмитрий Захарович, большой человек, академик, значит, так им не до мальца было, вот меня в Москву-то и выписали, а я раньше в деревне жила, бедовала, а тут как у Христа за пазухой, своих-то детей Бог не дал, так мне Лешка заместо сынка. И очень охота внучков еще понянчить. А он тоже умнющий парень, скоро доктором наук будет, говорят, а жениться никак не хочет.

– Ой, а как вас зовут?

– Меня-то? Аглая Степановна я.

– А я Инга.

– Инга? Имя какое-то чудное…

– Ну, я вообще-то Ирина. Но мама с папой кино заграничное посмотрели. «Колдунья» называется, и решили меня переназвать. Так, когда я паспорт получала, меня Ингой записали, – сама не зная почему, вдруг рассказала она совершенно чужой женщине, хотя даже Виктору об этом не говорила… Странно.

– Вон оно как… Но тебе подходит… А ты работаешь или учишься?

– Учусь. На третьем курсе уже.

– И кем будешь?

– Артисткой.

– Ах ты, господи, артисткой… Слушай, артистка, – перешла на шепот Аглая Степановна, – тут парень один есть, тоже из Лешкиных дружков, так он это… кино снимает…

У Инги замерло сердце.

– Ты ему не верь, он до девок лютый, не одну уж попортил, они дуры, ведутся, мол, он их в кино снимет… а ни одну еще не снял… Ты уж с ним поосторожнее. А то вы, красивые девки, на киношников падкие, а ты тем более на артистку учишься. Черный такой, с усищами, Гришкой звать… Говорят, талант большой, только я про талант не знаю, а что бабник первостатейный, это точно.

И вообще… Не люблю я его. Плохой он человек.

Но тут из кухни повалил народ.

– Аглая Степановна, мы все убрали за собой! – сообщила маленькая девушка в ковбойке и в кедах.

– Спасибо, Люсечка! Витюш, а невеста у тебя – загляденье просто. И хорошая.

– Да знаю! Только вот гордая, не захотела с нами пивка попить.

Виктор обнял Ингу, от него пахло пивом и воблой. Ингу передернуло. Вскоре вся компания сидела за шикарным столом. Всем было весело. Инга сидела рядом с Виктором. А напротив сидел Леша Тверитинов, виновник торжества. И не сводил с Инги глаз. А чуть поодаль от него сидел киношник Гриша с красивыми пышными усами. Он усиленно обхаживал свою соседку, очень худенькую девушку с необычным интересным лицом, но девушка, похоже, никак не реагировала на киношника, что его, по-видимому, здорово заводило, и на Ингу он даже не глядел.

Ничего, я же собираюсь быть артисткой оперетты, в кино мне и не надо сниматься…

Вон, сама Шмыга только раз в кино снялась. Но она тогда уже была Шмыгой! А я еще пока никто.

А потом, когда все уже разбрелись из-за стола, Инга взялась помогать Аглае Степановне убирать посуду. Принеся очередную порцию тарелок в кухню, она увидела, что на балкон вышли Леша и усатый киношник. Что ее подтолкнуло, она и сама не знала, только она юркнула в узкое пространство между открытой балконной дверью и кухонным буфетом, встала за занавеской и прислушалась.

– Ну что, Гриня, обломался? – насмешливо спросил Леша.

– Сегодня обломался, но скоро я ее обломаю, делов-то… Но хороша, зараза, я и вправду хотел ее снять, лицо такое… просто Модильяни…

– Репутация у тебя дурная, дружище, – засмеялся Леша. – А ты не обратил внимания на Ингу?

– Кто такая Инга?

– Она красавица… Как ты мог ее не заметить? К тому же студентка ГИТИСа…

– А, эта синеглазая в синем платье?

– Ага, все-таки приметил!

– Ну, это слишком просто…

– Что просто?

– Неинтересно, друг. Одномерно.

– Не скажи… Она такая… От нее парным молоком пахнет.

– Дурак ты, брат, от нее коровником пахнет, навозом… Ты просто разницы между этими запахами не чуешь. Парное молоко тоже ведь в коровнике получают от коровки-кормилицы. Словом, категорически не мой кадр. И тебе не советую…

– Да она вообще девушка моего старого друга. К тому же уже невеста. А я в такие игры не играю.

– Ну да, всем известно, какой ты порядочный…

Инга стояла ни жива ни мертва. От обиды все свело внутри. От меня навозом пахнет, коровником… И со мной неинтересно, я одномерная, видите ли…

А разговор мужчин между тем продолжался. Хотя она от захлестнувшей ее обиды многое пропустила.

– Леш, а ты чего, запал на эту деревенщину?

– Да нет… Хотя вру. Нравится она мне, здорово нравится… Но женщина друга…

– Это, конечно, аргумент, но… Ей лет двадцать, с Виктором твоим живет… Неинтересно. Нет в ней сексуальной цеплялочки, думаю, и как актриса она полный ноль, поверь, я в таких вещах разбираюсь.

– Может, и так, но, может, просто еще не раскрылась девушка, может, в ней еще такой потенциал обнаружится… Ну, устрой ей хотя бы фотопробу…

– Да тебе-то зачем, если женщина друга, а?

– Да, ты прав… Все. Забудь!

– Это несложно. Уже забыл.

– Гриш, скажи, а правду говорят, что ты вроде на француженке жениться собрался?

– Кто говорит?

– Да все практически.

– Да, друг, слинять хочу, мочи моей тут больше нету. Всякая тварь бездарная во все лезет, указания дает, то нельзя и это не моги, и давят, давят…

– Слушай, а у тебя же столько международных премий…

– Ну и кому они на фиг сдались, мои премии? Две ленты на полку положили, сволочи… Ненавижу! Надо валить, Леха!

– А выпустят?

– А хрен их знает… Но тогда Франсуаза может такой скандал в прессе поднять… А мне это еще и на руку. Буду жертва режима в квадрате. И фильмы мои на экран не пускают, и меня в заложниках держат…

– А ты языки-то знаешь?

– Английский у меня свободный, французский, правда, корявый, но я способный, во Франции за три месяца освою…

– Ты думаешь, тебе там дадут снимать?

– Надеюсь. Да ладно, лучше я там в операторы вернусь, чем тут это дерьмо жрать… ладно, пошли к столу, еще выпить надо!

Инга перевела дух. Ей давно уже нестерпимо хотелось в туалет, но она боялась пошевелиться.

Ах, как же ей понравился туалет в академической квартире. Выложенный зелененьким кафелем, и унитаз тоже зелененький, и маленькая раковинка – руки мыть, и зеленое полотенчико. Эх, видели бы этот туалет мама с бабушкой… А еще там к стене была приделана хромированная корзинка… с газетами. Это чтобы читать! А для другого имелся рулон туалетной бумаги. Мягонькой. Инга такой сроду не видала. В магазинах продавалась туалетная бумага в пачках,

квадратиками, жесткая, чтобы ею воспользоваться по назначению, приходилось мять ее в руках. А тут… Выходить не хотелось. Интересно, почему это Виктор ее не хватился еще? Она вышла и отправилась на поиски. И нашла его в кабинете. Он спал крепким сном. Ладно, пусть поспит… И тут появился Леша.

– Что, Инга?

– Да вот, Витя уснул… А нам надо уже…

– Да куда вам надо? Успеете.

– Метро закроют.

– Так на такси можно…

Инга смутилась. Такая роскошь им не по карману. Но Леша сразу понял причину ее замешательства.

– Да к черту такси. Останетесь тут до утра. Места много, не проблема. Да, кстати, ты очень понравилась Аглае Степановне. Вот бы тебе, говорит, Лешка, такую девушку. А я уж и сам думаю – вот бы тебе, Лешка, такую… Нет, мне такую не надо, мне эту надо…

У Инги сердце оборвалось.

– Знаешь что, пошли на балкон, подышим, а?

– Пошли, – кивнула Инга. Леша очень ей нравился. Она думала, он поведет ее на кухонный балкон, а он ввел ее еще в одну комнату, закрыл за собой дверь и вывел на открытый балкон.

– Ох, а сколько ж у вас комнат?

– Пять и еще комната за кухней.

– А народу сколько живет?

– Да сейчас четверо: папа, мама, я и Аглаша.

– Сроду таких квартир не видала!

– Академикам иногда обламываются такие хоромы. Ты не думай, мы не так давно тут живем, я вообще в коммуналке родился. Потом родителям малогабаритку дали в Черемушках, я сперва у бабушки жил, а когда она умерла, мама Аглашу выписала, меня растить. В малогабаритке ютились… – словно бы оправдывался Леша. – Ты не против, если я закурю?

– Нет, кури, пожалуйста.

Он достал из кармана сигареты «Мальборо» – символ шикарной жизни для советского человека.

– Знаешь, у нас один парень тоже все «Мальборо» курил…

– И что?

– У него многие пытались стрельнуть сигаретку, но он никогда не давал.

– Жадный такой?

– Да нет, не в том дело. Просто у него в пачке от «Мальборо» болгарские сигареты были… Это он для понта…

– Дурак, значит, конченый.

– Да, я тоже так думаю.

– Инга… ты… ты невероятно красивая… Невероятно! И я… просто смертельно хочу тебя поцеловать…

Он притянул ее к себе и, поскольку она не отстранилась, поцеловал в губы. Боже, как он целовался! Прямо как Грегори Пек в «Римских каникулах»… И хотя он вместе со всеми пил пиво и ел воблу, но пахло от него каким-то незнакомым

одеколоном, дефицитными сигаретами «Мальборо» и какой-то совсем незнакомой, но прекрасной жизнью. Хотелось вдыхать и вдыхать этот запах, он кружил ей голову, а Леша все крепче прижимал ее к себе, она чувствовала, что он не на шутку завелся и уже задрал ей юбку…

– Нет, – твердо сказала она, – пусти! Я так не хочу!

Он отпустил ее.

– Не хочешь или так не хочешь? – уточнил он.

– Так не хочу!

– Понял. Учту! – рассмеялся он.

Но тут раздался громкий голос Виктора:

– Инга, ты где?

– Пока! – бросила она. – Не ходи за мной.

– Витя! Проснулся? Ну, наконец-то!

– Прости, я задрых… Поздно уже, поедем на такси!

– Хорошо! – обрадовалась Инга.

Виктор едва держался на ногах. Алексей пошел их проводить до машины, которую далеко не сразу удалось поймать.

– Инга, ты извини меня…

– Да ладно!

Какой убогой показалась ей их скромная однушка у метро «Молодежная». И Виктор тоже показался каким-то убогим. И мысль о предстоящей свадьбе уже не радовала, а тревожила. Может, не стоит? Виктор через неделю после росписи уедет в поле на целых четыре месяца, и тогда, если Леша как-то проявится, я точно не устою… Как странно, Виктор спит рядом и дышит на нее воблой и пивом, а от Леши такой запах… И я понравилась Аглае Степановне. Я умею нравиться, когда хочу. Но там же есть еще папа-академик и мама-профессор, им такая невестка может не понравиться… Хотя почему? Вот понравилась же я Витиным родителям, а они тоже ученые люди – отец вулканолог, а мать врач. Они от меня в восторге были.

А что, я красивая, молодая, чистюля, готовить умею, они мои пельмени как лопали… И я буду артисткой… Тоже не жук начихал. Нет, папе-академику я, скорее всего, понравлюсь, а вот маме-профессору… Да ну, ерунда, они же обожают своего сына и его выбор должны уважать. Стоп, Ингуля! Кто сказал, что Леша жаждет на тебе жениться? Переспать он с тобой хочет, это да. Этого, между прочим, многие хотят. Выбрось, Ингуля, это все из головы, тебе и так сказочно повезло – ты скоро выходишь замуж за кандидата наук с отдельной квартирой, да большинство девчонок в институте о таком и мечтать не могут, нет, тут надо вспомнить «Сказку о рыбаке и рыбке», чтобы не остаться у разбитого корыта. В чем, в чем, а в благоразумии ей никогда нельзя было отказать. И она уже по-другому стала смотреть на жениха. Это была синица в руках. Но однажды Виктор пришел с работы мрачнее тучи.

– Вить, ты чего?

– Беда, Ингуля! Большое горе!

– Да что стряслось?

– Никита погиб!

Никита Юрышев был близким другом Виктора и коллегой.

– Как?

– Да непонятно еще, что там случилось, но я должен срочно принять партию. Послезавтра рано утром вылетаю в Хабаровск.

– Надолго?

– До поздней осени, я теперь начальник партии.

– А как же… Как же свадьба?

– Ингуля, придется перенести свадьбу-то, дело такое. Ну, не плачь, никуда я от своей девочки не денусь. Как приеду, сразу распишемся, я завтра заеду в ЗАГС с командировочным предписанием, и они все просто отложат, а вовсе не отменят. Назначим свадьбу на первое ноября, к тому времени я уж точно буду в Москве. А хочешь, как сдашь сессию, приезжай ко мне, я тебя возьму лаборантом, будешь получать, правда, сущие гроши, но зато будем вместе…

– Комаров кормить?

– Ничего, намажем тебя диметилфталатом… – грустно улыбнулся Виктор.

А Инге стало страшно.

– Вить, а все же, что случилось с Никитой?

– Да вроде подрался с бичом…

– Вить, я боюсь.

– За меня боишься? Зря, я бичей в партии держать не буду, это мой принцип. Я уж подрядил трех студентов. И потом, я начальник строгий, а Никита был не строгий, а вздорный. То большую оплошность не заметит, а то за мелочь какую-нибудь взыщет… А так в партии нельзя. Дисциплину никто не отменял, но она должна на уважении держаться, а вовсе не на панибратстве. Сколько раз я говорил Никите… А, что теперь… Нету его…

– Жалко, – всхлипнула Инга.

– Значит, ты не обижаешься, что пришлось отодвинуть свадьбу?

– Да нет. Если человек умер…

– Я знал, что ты у меня хорошая… Душевная, все понимаешь. А я тебе знаешь, что привезу к свадьбе?

– Что?

– Горжетку из соболя.

– Витя!

– У охотников достану, всего-то и надо две шкурки…

– Ох, это так шикарно…

Инга ничего не смыслила в мехах, но у их педагога по вокалу Ираиды Сергеевны была небольшая соболья пелеринка, предмет зависти всех женщин института, студенток и преподавательниц. Когда-то эту пелеринку ей подарил ее муж, генерал авиации. Инга очень ясно представила себе, как она придет в этой горжетке в институт и все ахнут… Хотя к чему я смогу ее надеть? Нет у меня пока такой вещи. Но я что-нибудь придумаю!

И Виктор улетел.

Наши дни

Захар проснулся от удушающей жары и сразу включил кондиционер. Над морем висело желтоватое марево. Хорошее дело, ноябрь на дворе, а тут такое. Черт, забыл, как это называется… ах, да, хамсин. Интересно, как там Рита? Вчера он отвез ее в отель, который оказался совсем близко от его маленькой гостиницы. Этот мерзавец, ее хахаль, на отель не поскупился. Звонить матери было еще рано. Он принял душ и спустился в ресторан к завтраку. Есть не хотелось, хотя после самолета у него маковой росинки во рту не было. В помещении работал сильный кондиционер, но он чувствовал давящую духоту и здесь. Было как-то не по себе. Он даже не стал пить кофе. Давление, что ли, поднялось? И тут

позвонила мать.

– Захар? Ты нормально добрался?

– Да, все в порядке.

– Сегодня хамсин.

– Да, я заметил. Я скоро выезжаю, но адреса не знаю. Можно скинуть на телефон.

– Да, да, я сейчас скину. Когда тебя ждать?

– У меня есть еще одно дело, но это, скорее всего, ненадолго. Буду выезжать, позвоню.

– На чем ты собираешься ехать, сегодня суббота. Кроме такси, нет транспорта. Я сама за тобой приеду.

– Нет-нет, я взял напрокат машину. И доберусь по навигатору.

– Ты сообразительный. Весь в деда.

– Хорошо, я позвоню, когда буду выезжать. До встречи.

– Да-да.

Захар вышел на маленькую терраску, покурить. Господи, что за кошмар! Хотя идти до отеля Риты минуты три, но по такой жаре… Он изумленно взирал на прохожих, идут себе как ни в чем не бывало. Привыкли. Неужели к этому можно привыкнуть? Захар неоднократно бывал в Средней Азии, даже летом, но такого ужаса не помнил. Ну да, там жара сухая, а тут влажная…

– Ничего, к вечеру сломается, – произнес по-русски пожилой охранник.

– Что сломается? – не понял Захар.

– Так шараф.

– Что?

– Да хамсин.

– А! Что значит сломается?

– Ну, пройдет… А вы первый раз в Израиле?

– Да. Ночью прилетел. А вы здесь давно?

– Да уж лет двадцать.

– Привыкли к хамсинам?

– Привык, куда денешься… А вот жена у меня никак не привыкнет. А вы бы пошли искупаться, тут обычно волны сильные, а в хамсин море как зеркало. И вода сейчас хорошая, градуса двадцать три – двадцать четыре. Легче станет.

– Думаете?

– Да проверено уж. Вы ж еще совсем молодой!

– Да, пожалуй, стоит искупаться…

– Вы на рецепшн полотенце возьмите.

– Спасибо большое, так и сделаю!

В самом деле, что я, старик, рассыплюсь от хамсина? А Рита наверняка еще спит. Небось долго заснуть не могла, а к утру ее сморило… Он думал о ней без всякого волнения, просто как об одном из своих подчиненных, вернее, как о каждом из членов своей команды. Он сколачивал эту команду пять лет, путем проб и ошибок, и сейчас ему казалось, что группа работает как хорошо отлаженный

механизм, за которым, разумеется, надо ухаживать, вовремя смазывать и тестировать. И этот механизм уже дает неплохие результаты… Да, надо написать Армену, чтобы вторую серию опытов начинали без меня. Вот и поглядим, не слишком ли распляшутся мыши в отсутствие кота…

Вода в море казалась просто прохладной по сравнению с воздухом. Какое блаженство! Он поплыл. Ах, хорошо! Купающихся было немного. Он заплыл далеко, до волнореза, и повернул обратно. Прямо перед ним было безвкусно раскрашенное здание отеля «Дан», где остановилась Рита. А зайду-ка я к ней прямо с пляжа, пока прохлада еще ощущается. Так он и сделал.

– Простите, – обратился он к портье на своем безупречном английском. – Мисс Метелёва в каком номере?

– Одну секунду, – вежливо улыбнулся портье. – Как вы сказали, мисс Метелёва?

– Маргарита Метелёва.

– А она выехала.

– Как выехала? Она же только ночью заселилась?

– Да. А в семь утра вышла с вещами, вызвала такси в аэропорт и уехала. Ваше имя… Захар?

– Да.

– Мисс оставила для вас письмо. Вот оно.

– Спасибо!

Захар отошел от стойки портье, сел в кресло и открыл незапечатанный гостиничный конверт.

«Огромное Вам спасибо за все, Вы мне очень помогли, я все поняла. Вы были правы, надо жить дальше. Но не здесь. Вы очень хороший человек. И дай Вам Бог счастья! Рита».

Захар ощутил вдруг неимоверное облегчение. Он ей ничего не должен, он все-таки ей помог – и прекрасно. Он больше не отвечает за нее, она вне его команды, вне его жизни, а он все-таки не мать Тереза! Он вышел на улицу. И его неудержимо потянуло опять в море. Хотелось смыть с себя всю эту историю с Ритой.

Еще через час он взял телефон, чтобы позвонить матери, но предпочел отправить ей эсэмэс: «Выезжаю. Захар». По крайней мере можно обойтись без обращения и не выглядеть хамом.

Когда-то

Инга неплохо сдала сессию и задумалась, что делать дальше. То ли поехать домой, к родителям, то ли податься с девчонками в Коктебель. Виктор оставил ей не так уж мало денег, а у Таньки Маркарьян была маленькая дачка в Коктебеле, и она звала подруг поехать туда на две недели. Инга никогда еще не была в Крыму, да и вообще на море. Хотя только последняя дура может сомневаться, куда ехать – в продымленный паршивенький городишко или же в Крым! И она написала родным, что ее пригласили на съемки, правда, в массовке, но зато в Крым!

Таня Маркарьян, Оля Колобаш, Нина Федотова и Инга собрались дома у Оли и решали вопрос, как добраться до Коктебеля. Билетов ни у кого не было, и достать их в разгар сезона не представлялось возможным.

– Может, попробуем уговорить проводников? – без всякой уверенности предложила Таня.

– Безнадега! Сейчас таких уговорщиков на каждую проводницу не меньше дюжины, а у нас денег мало, – заметила рассудительная Нина, – мы по-любому в проигрыше. На самолет тоже билетов не купить. Думайте, у кого есть хоть

какой-то блат.

– Или кавалер с мотором, – хмыкнула Оля.

– Легко сказать, кавалеры-то разные есть, моторизованные в том числе, а вот такого, чтобы согласился вывезти на Юга четырех красавиц, что-то не наблюдается, – засмеялась Оля. – Тань, а у тебя, случайно, нет горячего армянского парня с машиной?

– Горячий есть, а машины у него, увы, нету!

– Девчонки, а давайте автостопом! – предложила Инга. – Вчетвером не страшно! Главное, не соглашаться, чтобы нас по двое брали. Просто будем добираться на грузовиках, только и всего.

Девушки переглянулись.

– А что, – сказала храбрая Нина, – по-моему, самое оно. Надо только не говорить, что мы артистки, а…

– Я знаю! – воскликнула Таня. – Мы будем говорить, что учимся в Тимирязевке, на зоотехников. Представим себе, что мы на съемках, играем сельских девчат… Будет весело!

Идея всех привела в восторг.

– Только никаких чемоданов, рюкзаки, кеды, чем затрапезнее, тем лучше!

– Ясное дело!

– Надо разработать маршрут, – сказала Инга.

– Какой еще маршрут? – удивилась Оля.

– А ты что, выйдешь на Садовое кольцо, остановишь полуторку и скажешь: дяденька, до Коктебеля не довезете? – рассердилась Инга. – Надо все

продумать.

– Правильно! – кивнула Таня. – На электричке доедем до самой дальней станции, а уж оттуда начнем голосовать.

– А по какой дороге?

– Я думаю, по Киевской, мы ж на поезде через Украину едем, – заметила Таня.

– Да, точно! Ой, девчонки, надо бы с Васькой Гавриленковым посоветоваться, он в прошлом году добирался в Крым автостопом, – вспомнила Нина. И залилась краской. Она была по уши влюблена в Васю Гавриленкова.

– Точно! – обрадовались все. – Васька посоветует.

– А он, по-моему, уже куда-то умотал.

– Нет, я вчера его в общаге видела.

– Девочки, у моего Вити полно карт, сами проложим маршрут.

– Нужна карта автомобильных дорог!

– Нет, чего нет, того нет, – развела руками Инга.

– А у нас должна быть! – вспомнила вдруг Оля. И в самом деле, принесла потрепанный «Атлас автомобильных дорог».

И они взялись за дело! При этом все веселились, шутили, подкалывали друг дружку и вскоре почувствовали, что вполне смогут достаточно дружно преодолеть долгий путь.

– Надо еще продумать, что из жрачки взять с собой, – заметила Нина.

– Только не «завтрак туриста», – закатила глаза Таня. – Этого я не переживу!

– Да, рассчитывать на придорожные забегаловки нельзя, отравимся на фиг! – кивнула Инга. – Надо наварить яиц, купить плавленые сырки…

– У меня есть батон сухой колбасы! – заявила Оля.

– Класс! – обрадовалась Инга. – Ну там огурцы-помидоры по дороге купим, соль, спички, концентраты…

– Какие концентраты? – испугалась Таня.

– Ну, бульонные кубики, какао…

– И хватит с нас… Да, а хлеб?

– Ну, на первый день возьмем, а дальше разживемся. Да, а где мы ночевать-то будем?

– Да уж где придется! Лучше бы всего в кузове грузовичка, который повезет нас к Черному морю!

– Ой, девочки, как здорово!

… Ах, как они веселились в дороге! И в самом деле без особых приключений добрались до Феодосии. Четверых веселых хорошеньких девчат шоферы с удовольствием подвозили, иногда и подкармливали. Девчонки загорели, обветрились, сдружились. В Феодосии они первым делом купили пирожков с повидлом и отстояли большущую очередь к бочке с квасом. Один из водителей подарил им трехлитровую пластмассовую канистру.

– Берите, девчата! Винишко крымское будете покупать! Это вам за песни. Уж больно хорошо вы поете! Как говорит моя жинка, «дуже гарно»!

Наевшись пирожков с квасом, они погрузились в автобус, идущий до Коктебеля.

– Тань, а что, у тебя дом пустой, что ли, стоит? – поинтересовалась только сейчас Оля.

– Зачем пустой? Там бабушка.

– Бабушка? А она нас не выгонит?

– Да вы что! Чтобы армянская бабушка выгнала гостей? С ума совсем сошли? Она нас так кормить будет… Ну а мы, понятное дело, будем ей помогать немножко. Не волнуйтесь, бабушка у меня золотая! – успокоила девчонок Таня.

– А как твою бабушку зовут?

– Асмик!

– А по отчеству? – спросила Оля.

– Гарегиновна! Но это не нужно, зовите ее просто бабушка Асмик.

– Неудобно как-то, – засомневалась Нина.

– Очень даже удобно. Куда удобнее, чем Асмик Гарегиновна.

Бабушка Асмик оказалась невысокой, полной, совсем еще нестарой женщиной, которая страшно обрадовалась гостям.

– Таня-джан, как хорошо, что подружек привезла! Вас четверо, значит, целое купе заняли?

– Да, бабушка, целое купе! Так было весело!

Таня заранее предупредила – бабушке ни слова про автостоп.

– А что это вы все с рюкзаками?

– Да неохота с чемоданами таскаться, с рюкзаками удобнее.

– А как же вы в разгар лета билеты достали?

– А у Нинки блат на железной дороге! – нашлась Оля.

– А… Надо будет иметь в виду… – засмеялась бабушка Асмик.

А Нина незаметно показала Оле кулак.

Только Инга не принимала участия в общем гомоне. Она сидела как пыльным мешком прихлопнутая. Она увидела море. Оно было еще прекраснее, чем она могла себе представить. Синее, огромное, ни конца, ни краю! Хочу жить у моря… Просыпаться и видеть море… Что может быть лучше?

– Ну вот что, дорогие, вы мне на голову свалились неожиданно, а потому сейчас бегите-ка на пляж, а через полтора часа жду вас к обеду! Вы плавать-то умеете?

Оказалось, что все умеют.

– И хорошо! Вперед!

Как приятно было после пыльных ковбоек и треников надеть легкие сарафанчики.

Как же они хохотали, обнаружив, что у всех сарафаны сшиты из жатого ситца.

– Ишь, какие мы все предусмотрительные!

– Удобно же, не так мнется…

Появление на пляже четырех хорошеньких девушек не прошло незамеченным, но они, ни на кого не обращая внимания, сразу ринулись в воду. Они так пропылились и просолились в дороге… Ах, как хорошо! И я еще раздумывала, не поехать ли к родителям… Вот была бы дура… Инга поплыла, ничего не боясь, ни о чем не задумываясь. Ей никогда в жизни не было так хорошо. Солнце слепило глаза, темных очков у нее не было…

– Инга! Инга! – донесся до нее чей-то крик. – Вернись, ненормальная, в Турцию заплывешь! – Ее догоняла Таня. – Инга, с ума сошла, пограничники заловят… – хохотала она.

– Танечка, милая, если б ты знала, как я тебе благодарна!

– За что?

– А за море! За то, что позвала меня сюда… Я даже не думала, что море – это так… так прекрасно!

– На здоровье, Инга! Все, поплыли назад, а то бабушка сердиться будет. Она вас сейчас так накормит! А вечером пойдем к писателям.

– К каким писателям?

– А тут недалеко Дом творчества Союза писателей, там такие парни бывают… Пис. дети!

– Что? – ахнула Инга, ей показалось, что Таня произнесла нечто совершенно неприличное.

– Писательские дети, – разъяснила Таня. – И, кстати, знаменитые артисты тоже попадаются. А многие пис. детки учатся в МГИМО. Сама понимаешь…

– Ну, девки, вы и плаваете! – восхитилась Нина. – Мы с Ольгой тоже думали, что умеем плавать, но куда нам до вас… Инга, ты где так плавать научилась?

– Слыхала, есть такая река Ирень?

– Ирень? Нет, не слыхала. Это где?

– На Урале.

– А…

Боже, как их кормила бабушка Асмик! Ничего подобного Инга никогда не пробовала.

– Это настоящая армянская кухня? – сверкая глазами, спросила Инга.

– Ну как тебе сказать, детка, – отвечала бабушка Асмик. – Мы вообще-то тбилисские армяне, так что это смесь грузинской и армянской кухни.

– Бабушка Асмик, а вы дадите мне рецепты?

– А ты что, детка, готовишь?

– Готовит, готовит, она осенью замуж выходит, ей надо! – сказала Таня.

– Замуж? Дело хорошее. А кто же твой жених? Тоже будущий артист?

– Что ты, бабушка, у Инги жених кандидат наук, геолог…

– О, ученый, значит? Это хорошо, это дело! И я дам тебе все рецепты, какие пожелаешь!

– Знаешь, бабушка, Инга такие пельмени делает, с вилкой проглотишь!

– Настоящие сибирские пельмени?

– Нет, уральские!

– А в чем разница?

– Я даже не знаю, по-моему, у нас просто их покрупнее делают, а так…

– Меня научишь?

– Бабушка Асмик, как я могу вас учить? – зарделась от удовольствия Инга.

– Обыкновенно – покажешь, как это делать…

– Хорошо, покажу, конечно! Но и мне можно будет иногда смотреть, как вы готовите, так легче всего научиться.

– Умница, девочка!

И понеслись дивные крымские дни – море, солнце, веселье, легкое крымское вино, яства бабушки Асмик, вечерние прогулки с кавалерами… Девчонки загорели, и лучше всех загорела Инга! Она просто покрылась ровным нежным загаром, волосы слегка выгорели, глаза сияли, она была необыкновенно хороша. Таня быстро почернела, Оля обсыпалась веснушками, и только Нина страдала неимоверно. Она в первый же день обгорела, бабушка Асмик, причитая, мазала ее мацони.

– Ты что, детка, тебе нельзя на солнце.

– Что ж мне теперь, не купаться? – чуть не плакала девушка.

– Купаться можно, а сидеть надо в тенечке, накинув халатик и под зонтиком…

– Девчонки вон как загорели…

– А у тебя кожа нежная, белая, это тоже ценится. Загорелых на пляже пруд пруди, а ты дня через три будешь привлекать куда больше внимания, – смеялась бабушка Асмик.

Впрочем, Инга сообразила и сварганила для подруги красивую пелеринку, прикрыть обгоревшие плечи, в результате Нина выглядела как минимум оригинально и была страшно довольна.

А Инга больше всего наслаждалась морем. Заплывала дальше всех и с восторгом ловила на себе восхищенные взгляды всех лиц мужского пола, когда выходила из воды.

Она никогда еще не ощущала так остро радость жизни и упоение своей красотой.

Она как раз выходила из воды, когда вдруг рядом с ней вырос какой-то мужчина.

– Инга? Ты?

Это был Леша Тверитинов. Тоже загорелый, высокий, мускулистый…

– Леша? Как ты меня нашел? – страшно испугалась она.

– Я тебя не искал. Просто случайно увидел. И, честно сказать, ослеп. Я только вчера приехал. Знаешь, я сейчас скажу жуткую пошлость… Тебе наверняка уже сто раз здесь это говорили…

– Ну скажи…

– Ты как…

– Афродита или там Венера, выходящая из морской пены, да?

– Да, – рассмеялся он. – А ты здесь с кем?

– С подружками. Хочешь, познакомлю?

– Да нет, спасибо.

Он буквально пожирал ее взглядом.

– Инга, я тут тоже с друзьями, мы собираемся в шашлычную, не хотите с нами?

– Можно!

Через час целой оравой они отправились в путь, распевая дурацкую песенку: «Цель наша конечная – шашлычная-чебуречная!»

– Ох, Инга, какой парень! И он в тебя по уши! – шептала Таня.

– Я бы за таким на край света! – жалобно простонала Нина. – И я вот что тебе скажу, твоя свадьба сорвалась, так?

– Не сорвалась, просто отложилась.

– Ерунда! Это судьба! И потом, Витя твой – это уже прочитанная книга, ты с ним три года живешь… А этот… Обалденный парень!

– А как же Гавриленков? – со смехом напомнила Инга.

– Это святое! – засмеялась Нина.

Ах, как было весело, как сладко замирало сердце, когда Леша брал Ингу под руку, когда кормил ее шашлыком, а потом, уже изрядно захмелевшую, посадил себе на колени, и она вдруг обвила руками его шею, чувствуя как он напрягся, как задрожал и прижался губами к оголенному, золотому от загара предплечью. Ее как будто тряхнуло током… Сколько раз она слышала и читала это выражение, насчет тока, и хотя считала себя опытной, почти замужней женщиной, но впервые осознанно ощутила это только сейчас.

– Инга, а давай… Выходи за меня замуж!

– Замуж? Как это? А Витя?

– Отвечаю по пунктам – да, замуж, очень просто, а Витя… Витя хороший малый, только он тебе не пара, ты с ним с тоски сдохнешь. Не твой масштаб! И потом… это судьба, Инга! Ваша свадьба расстроилась, он уехал, а мы встретились тут, у моря… Я люблю тебя, Инга! Давно…

– Леша…

– Да, люблю! Я всегда, как черт ладана, боялся женитьбы, а сейчас…

– А сейчас ты выпил лишнего, и я тут сижу у тебя на коленях, вот ты и поплыл…

– Дурочка… Не веришь мне? Зря! Давай завтра утром, раненько, часов в семь, встретимся на пляже, и я повторю все, что сказал сейчас, в здравом уме и твердой памяти… И если ты согласишься…

– Что тогда будет?

– Увидишь!

– А если не соглашусь?

– Ничего и не будет.

Все девушки были в восторге от прогулки. За Олей приударил один из приятелей Тверитинова, Таня с Ниной тоже не остались без мужского внимания. Кто-то предложил пойти купаться.

– Да ну, ночью тут пограничники прожекторами пляж обшаривают… – возразила Таня. – Неохота!

Никто не стал особо настаивать. Они еще пообжимались по кустам и разошлись. Девчонки были не прочь остаться с парнями, но боялись бабушку Асмик.

– Ничего, – шепнула им бойкая Оля. – При желании можно и днем переночевать, а ссориться с твоей бабушкой не стоит!

– Это точно! – расхохотались они, тем более что именно об этом каждая из них договорилась со своим парнем.

Инга плохо спала эту ночь. Неужели Леша не шутил? Не сболтнул по пьяни? Она пыталась защититься привычным «лучше синица в руках», но на сей раз не получалось. И синица пока еще не в руках, там, в поле, все мужики кого-то себе находят, и не факт, что какая-нибудь умная геологиня не захомутает Виктора… У них будет общность интересов, а я в гробу видала его геологию, как и он,

впрочем, мое искусство. Собственно, Леша сейчас даже в большей степени синица… Как он дрожал… Как смотрел на нее, как целовал… У него такое красивое, мускулистое тело… И такая квартира на Ленинском, с окнами в Нескучный сад и уютным зелененьким туалетом. Неужели я буду там жить? А почему бы и нет? С такой-то красотой… И какой это сюрприз он мне приготовил? Я с ума сойду до семи утра…

Она прибежала на пляж без пяти семь. И сразу увидела Алексея. Какой красивый, подумала она, кидаясь в его объятия.

– Видишь, я совершенно трезвый, искупался, охолонул и уже в здравом уме и твердой памяти повторяю свое предложение! Ты выйдешь за меня?

– Да, Лешенька! Я согласна.

– Тогда беги домой, собери вещички и предупреди подружек. Мы через полчаса выезжаем. Я подъеду к дому.

– Как уезжаем? Куда?

– Сюрприз!

– А… море?

– Там моря будет сколько хочешь, – засмеялся он.

– А на чем мы поедем?

– Как на чем? На машине. Я сюда на машине приехал.

– На своей?

– Ну не на такси же!

– Так я побегу?

– Беги!

Инга вприпрыжку домчалась до дома и в садике столкнулась с бабушкой Асмик.

– Ты откуда, красавица?

– Бабушка Асмик, я замуж выхожу!

– Да знаю я…

– Нет, я сейчас, сегодня… Он приедет за мной на машине… Он такой красивый, бабушка Асмик!

– Ты где его нашла? На пляже? И поверила? Знаешь, сколько тут всяких прохвостов? Не пущу!

– Что вы, бабушка Асмик! Я давно его знаю, он почти что доктор наук, сын академика Тверитинова, он давно меня любит…

– Ишь ты, сын академика… Доктор наук… А годков ему сколько?

– Тридцать, как и Виктору, кстати. Но я тут только поняла, что тоже его люблю. И это судьба, он не знал, что я здесь и свадьба моя расстроилась… Это знак, бабушка Асмик, – лихорадочно бормотала Инга.

– Ну что с тобой делать…

Инга натянула маечку, надела шорты, покидала в рюкзак свои скудные тряпочки, вот и все сборы. Девчонки дрыхли без задних ног. Надо бы попрощаться с ними, но нет, не буду, решила она, а то такой визг поднимется… Бабушка Асмик скажет, они поймут… И она выскочила на крыльцо.

– Инга, – тихонько позвала ее бабушка Асмик. – На вот, поешь…

– Не могу, бабушка Асмик… Только водички глотну…

– Так я и думала, – улыбнулась пожилая женщина. – На вот, я тут вам в дорожку собрала… Перекусите, а то летом у нас по дороге и поесть негде, везде такие толпы. И чем там еще накормят… – И она протянула Инге объемистую сумку.

– Да что вы, бабушка Асмик!

– Бери-бери, тут все хорошее, домашнее. И дай тебе Господь счастья. О, а вот и твой женишок подъехал. Пойду-ка я с ним поздороваюсь, погляжу, что за фрукт…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ekaterina-vilmont/intelligent-i-dve-rity

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити